

ПАМЯТИ Д. В. НАБОКОВА

Есть люди, которые никогда не забываются. Гигантского роста, с обезоруживающими, слегка старомодными манерами, прекрасным русским языком Дмитрий Набоков сочетал в себе европейско-русско-американское воспитание и элегантную, ему одному свойственную светскую непринужденность.

Поклонники Набокова и так называемые набоковеды, проходили особую дегустацию, и если вы заслужили одобрение, то Дмитрий на ваших глазах преображался из величавого гиганта в любящего сына, который с удовольствием раскрывает перед вами старый семейный альбом, как бы приглашая полюбоваться дорогими фотографиями. Он так трогательно, без малейшей, впрочем, сентиментальности, вспоминал, как отец обучал его русскому языку, как хорошо было играть в теннис с папой... Рассказывал и о своей ужасной автомобильной катастрофе, в результате которой он около года провел в госпитале, а также о том, как мучительно не мог решиться позвонить домой и сообщить матери, что произошло. Помню, как у меня невольно вырвалось: «Бедные ваши родители», и как Дмитрий внимательно и как-то виновато посмотрел.

В наш приезд на Флориду на конференцию в Бока Ратоне мы договорились встретиться с Дмитрием, который собирался повести нас ужинать в один из своих излюбленных ресторанов, но он запоздал, что-то случилось с его машиной, и прикатил на своей гоночной. В гоночной машине, понятно, лишь одно пассажирское сиденье, и мы остались в гостинице. Надо было видеть, как персонал курортной гостиницы, привыкший к экстравагантным посетителям, выстроился смотреть на Дмитрия Набокова, ловко влезавшего, как в огромную перчатку, в свой роскошный автомобиль.

Среди запомнившихся мелочей (а его отец ценил мелочи), запомнилась наша встреча в Питтсбургском аэропорту. Мы уже успели перекусить, но, конечно, охотно присоединились к проголодавшемуся Дмитрию. Он упорно уговаривал меня съесть артишок (я их не люблю) и, печально вздохнув, добавил: «Ирена, вы едите слишком мало, а я слишком много».

В образе Мартына в романе «Подвиг» Набоков предсказал некоторые черты характера своего сына. Дмитрий был не только бесстрашен, он, казалось, искал риска, опасности, испытания, как физического (альпинизм, автомобильные гонки), так и лингвистического. Он с увлечением говорил о трудностях перевода Набокова на итальянский язык, и было ясно, что именно это его привлекает, ведь английским он владел лучше. В декабре прошлого года Дмитрию был присужден приз за «Волшебника» как за лучший литературный перевод с русского на итальянский.

Трудно судить о его репутации плейбоя, но, проходя мимо витрины *Victoria's Secret*, Дмитрий, весьма уже пожилой господин, неожиданно весело спросил: «Вы знаете этот магазин?», и явно остался доволен моим ответом: «Интимно».

Ярким воспоминанием осталось чтение из переписки Набокова с Вильсоном (“Dear Bunny, Dear Volodya”) на конференции, посвященной столетию Набокова в Корнеле. Дмитрий и его близкий приятель Вильям Бакли разыграли в лицах эту переписку. Причем Дмитрий изображал отца, а Бакли Вильсона. Дмитрий, с возрастом ставший удивительно похожим на Владимира Набокова, мастерски воспроизводил его манеризмы и легкий европейский акцент. Их выступление прослеживало переход дружеской переписки в яростную, возраставшую по накалу полемику, приведшую к разрыву отношений. Тут не было победителей, лишь двое друзей навсегда, потерявших друг друга.

Нам не удалось встретиться в Монрё, когда мы оказались недалеко, в Берне. Дмитрий улетал на следующий день на Флориду. И теперь уже никогда не удастся встретиться с этим поистине замечательным человеком.

Их было трое. Вера и Дмитрий составляли счастье Владимира Набокова. Один наш добрый знакомый, известный лингвист, говаривал, что у гениев не должно быть детей, а то получаются все неудачные. Когда у него самого завелись дети, остряки ликовали: «Он понял: что не гений». Пример Владимира Набокова

свидетельствует об обратном: у гениев бывают удивительно удачные дети. Жаль только, что у Дмитрия не было детей.

Ирена Ронен

